

Семинар История демографической статистики

Париж, 16-18 декабря 1996 г.

Круглый стол: *Существуют ли в авторитарных государствах особая демографическая статистика или особые отношения между политиками и администраторами?*

Если судить по опыту СССР, то верно и то, и другое. В той мере, в какой советский режим выполнял модернизационную функцию, он сделал очень много и в деле модернизации демографической статистики. Несмотря на многие недостатки, большинство постсоветских государств имеют сейчас систему статистической информации о населении, в целом отвечающую международным стандартам. До последнего дня существования СССР Центральное статистическое управление вело постоянную работу по улучшению качества учета демографических событий, в особенности в районах, где такой учет сталкивался с наибольшими трудностями (например, в Средней Азии), по совершенствованию методологии переписей населения, обработки первичной информации и т.д. Но все эти усилия во многом обесценивались двумя факторами, отмеченными в названии темы нашего "Круглого стола". Первый из них я бы назвал особой типичной для тоталитарного государства "философией" статистики, второй - ее политизированной практикой.

Философия советской статистики выражала особый способ видения мира, имеющий очень глубокие корни.

Есть два способа видеть социальную реальность, общество, государство:

а) *детерминистский*, при котором общество рассматривается как конструкция, строящаяся сверху, по изначально существующему, единому божественному плану;

б) *вероятностный*, или *пробабилистский*, когда общество видят как конструкцию, вырастающую снизу в результате действия и взаимодействия многих независимых волей.

Первый способ свойствен всем традиционалистским обществам прошлого, второй выработан европейским Новым временем и распространяется по мере модернизации.

Соответственно и статистика соответствует либо одной, либо другой картине мира. В первом случае она нужна для проверки исполнения замысла, который сам по себе понятен и без всякой статистики. Во втором случае - это способ выявления замысла, смысла, направления спонтанного движения, который без статистики просто не может быть понят.

В первом случае - это создание образа реальности, пригодного для сопоставления с уже существующим идеальным образом, - неважно, с целью ли прославления или критики действительности. Во втором - это всматривание в собственное изображение в зеркале с желанием понять, что нового появилось в непрерывно продвигающейся постройке.

Разумеется, поскольку сама статистика - порождение Нового времени, она изначально несет в себе отрицание первого способа видения мира, взламывает, взрывает его. По самой своей природе, она - форма пробабилистского подхода к познанию мира. Но свои первые шаги она обычно делает в обществах с преобладанием централистской, детерминистской картины мира, поэтому на деле всегда появляется и философия статистики, стремящаяся примирить ее с представлениями именно такого мира. Результатом служит некий промежуточный продукт: современный инструмент познания, обслуживающий общество архаичного типа. Это нечто вроде первых автомобилей, имитировавших форму кареты. Со временем соотношение старых форм и нового содержания неизбежно меняется, и детерминистская картина мира все больше уступает место пробабилистской. Однако в течение какого-то времени возможно движение в противоположном направлении, что обычно и происходит при тоталитарных режимах.

Тоталитаризм можно рассматривать как этап агонии авторитаристских полусредневековых обществ, когда они собирают свои последние силы, чтобы воспрепятствовать окончательному утверждению либеральных и демократических принципов, на которых основаны общества, строящиеся "снизу". Олицетворением детерминистского централизма становится всепроникающее "тотальное" государство. Такое государство имеет и соответствующую статистику: в ней до возможного минимума сведены элементы реалистического "смотрения в зеркало" и до предела развиты функции конструирования образа, пригодного для сопоставления с "замыслом". Это сказывается и на содержании статистических показателей, и на организации системы статистики, в которой как раз и отражаются отношения между политиками и администраторами.

В СССР все это проявилось с очень большой полнотой. Интересны в этом смысле взгляды Ленина. Известно, что он высоко ценил статистику как инструмент социального познания, широко ею пользовался и несомненно обладал вкусом к статистическому исследованию. Сразу после революции он принял меры по налаживанию статистической службы, понимал и ее трудности. Как он писал в 1918 г., "Советская республика создала статистические учреждения и привлекла все лучшие статистические силы России, но, конечно, скоро идеальной статистики получить нельзя"¹. Тем не менее взгляды Ленина были типичны именно для "старой" философии статистики. Во многом они сложились у него задолго до прихода к власти. Еще в конце прошлого века он утверждал, что "статистика должна иллюстрировать установленные всесторонним анализом общественно-экономические отношения, а не превращаться в самоцель"². Оказавшись во главе государства, он неизменно подчеркивал вспомогательную, инструментальную роль статистики, отказывал ей в самостоятельности и независимости. "Из Центрального статистического управления надо сделать орган анализа для нас, *текущего*, а не "ученого"... Статистики должны быть нашими

¹ Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. Соч., т. 28, с. 293.

² Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Соч., т. 3, с. 443.

практическими *помощниками*, а не схоластиками”³. “Оно [ЦСУ] должно быть не “академическим” и не “независимым” органом, коим оно, по старой буржуазной привычке является на 9/10 сейчас, а органом социалистического строительства, проверки, контроля, учета того, что надо социалистическому государству знать теперь, сейчас, в первую голову”⁴.

Место божественного замысла в СССР занял государственный экономический план, а организационным апофеозом понимания статистики как инструмента для иллюстрации выполнения замысла стало превращение в 30-е годы ЦСУ в ЦУНХУ, то есть просто в один из отделов Госплана. Но даже когда формально оно стало самостоятельным, по существу оно продолжало обслуживать в первую очередь нужды экономического планирования. Не случайно советские статистические ежегодники назывались “Народное хозяйство СССР”, а раздел “Население” располагался не в начале ежегодника, как это делается обычно во всем мире, а ближе к концу, после всех экономических разделов. Надо ли удивляться, что советская статистика, которая каждые пять дней получала данные о производстве стали или чугуна, многие десятилетия не располагала сведениями о распределении населения по четырем категориям брачного состояния? И дело не в том, что кто-то считал эти сведения не особенно важными. Просто это распределение не планировалось, не было никакой отвечающей за соблюдение нужных пропорций государственной службы, а потому к нему и не было интереса.

Такова одна из причин, по которым советская демографическая статистика была *особой*: она долго не интересовалась многими показателями, давно уже ставшими обычными на Западе. Непрерывные ряды данных о возрастной рождаемости или брачности существуют только с конца 50-х годов, а, скажем, сведений о распределении абортот по возрасту нет и сейчас.

Но эта статистика была *особой* и в другом отношении: она располагала данными, которыми обычно не располагает статистика западных стран. Таковы, например, данные о внутренней миграции по данным прописки и выписки - их нет на Западе, потому что нет самих этих институтов. Другой пример - данные об этнической принадлежности и постоянный учет этой принадлежности во всех личных документах. Когда во время войны были депортированы некоторые народы, отдельные их представители были мгновенно разысканы в любой точке СССР, в том числе и в действующей армии, и разделили судьбу своих народов.

Политизированная практика советской демографической статистики - вторая ее черта, которая вступала в противоречие с ее официально декларируемой модернизацией и также вытекала из природы тоталитаризма. Официальная статистика в СССР была частью государственного аппарата, который рассматривал себя не как один из

³ Ленин В.И. Письмо Г.М. Кржижановскому [26 мая 1921 г.]. Соч., т. 35, с. 423-424.

⁴ Ленин В.И. Постановление о работе заводов. Соч., т. 33, с. 303.

инструментов общества, а как нечто, тождественное обществу. Он объединил в одних руках и монополизировал и составление "замысла", и его осуществление, и оценку успешности своих собственных действий. Последняя функция и была делом государственной статистики. Поэтому совершенно естественно, что политическое руководство всех уровней было небезразлично к содержанию статистической информации и пыталось влиять на нее в своих собственных интересах. Это влияние было узаконено в том смысле, что местные статистические управления не могли направлять свои отчеты в свои собственные вышестоящие органы, не согласовав их предварительно с местным партийным и советским начальством. Таким образом, уже первичная информация проходила через определенные фильтры, которые не могли не приводить к ее искажению. К этому надо добавить, что существовало большое количество секретной информации, которая поступала в центр, минуя низовые статистические органы. Окончательная "доработка" информации происходила в центре, где к ней имел доступ очень ограниченный круг проверенных лиц, что также открывало возможности очень больших искажений - вплоть до полной фальсификации. Это, конечно, не значит, что вся информация обязательно искажалась, но при таких условиях очень сложно отличить искаженную информацию от неискаженной.

Еще одним инструментом "политизированной практики" было сокрытие данных, их засекречивание, отказ от публикации. Хороший пример - данные о смертности по причинам смерти. На протяжении нескольких десятилетий они собирались органами статистики, но не только не публиковались, но были недоступны даже исследователям, гарантировавшим их использование на условиях конфиденциальности. Но нет худа без добра: эти данные не использовались, а потому и не было нужды в их намеренном искажении. Благодаря этому, они сохранились для будущих исследователей.